

Предлагаем вашему вниманию 27-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

2 ияра 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

---

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Встреча с екатеринославским евреем во Львове

В 1946 году я отправилась в Америку. По дороге, на неделю, я остановилась во Львове, чтобы оформить некоторые документы. Во время пребывания в городе я жила в одном доме с еще несколькими такими же транзитными путешественниками.

Все, связанное с моим отъездом, происходило в условиях строгой конспирации, поэтому никто из тех, кто жил со мной в одном доме, не должен был знать, кто я такая. Однако, как это часто бывает в жизни, хозяином нашей квартиры оказался еврей из Екатеринослава! Причем выяснилось это уже после того, как я поселилась в его доме: как-то вечером, когда я вышла из своей комнаты, он завел со мной разговор и рассказал, что раввин его города был сослан в Среднюю Азию и умер в ссылке. И далее стал рассказывать мне — в меру своего понимания — о моем муже: о том, как его ценили в городе, и о том, что екатеринославские евреи до сих пор не могут его забыть.

Он также рассказал о том, как однажды принес ребецн (очевидно, он меня не узнал) сахар для отправки сосланному раввину. Мне припомнился этот случай: действительно, в то время, когда в городе невозможно было найти сахар, сын моего собеседника, руководитель одного из государственных предприятий, передал мне через своего отца несколько килограммов сахара для отправки мужу в ссылку.

О Мордехеае Гуарарье, да покоится он с миром

Когда моему мужу представлялась возможность поговорить с людьми о чем-нибудь еврейском, он всегда старался ее использовать. К примеру, в свое время к нам в дом стал захаживать паренек по имени Митя Гуарарье²⁵⁵. Его отец²⁵⁶ работал служащим на одном из предприятий города, хозяевами которого были его родственники — тоже Гуарарье.

Когда Митя впервые появился у нас в доме, он учился в обычной советской школе и был далек от соблюдения заповедей. Тем не менее, это был весьма достойный юноша с благородным характером. Со временем он сдружился с нашими детьми, начал приходить на уроки по хасидизму, которые давал мой муж, и постепенно втянулся в традиционный образ жизни, стал Б-гобязанным евреем, соблюдающим Субботу.

---

²⁵⁵ Р. Мордехай Гуарарье (ок. 5665/1905 — 5695/1935). О степени его близости к р. Леви-Иццоку можно прочитать в «Толдойс Леви-Ицхок», часть 1, стр. 172, стр. 174 и далее.

²⁵⁶ Йосеф бен Моше Гуарарье (ок. 5640/1880 - ок. 5710/1950).

Когда Митя учился в выпускном классе школы, одноклассники и учителя обратили внимание на изменения в его образе жизни и стали всячески его третировать. Возникли у юноши сложности и при поступлении в вуз: несколько лет подряд его отказывались принимать в университет. Ректор посоветовал ему «обратиться за помощью к Шнеерсону» — в университете, мол, ему ничем не смогут помочь...

В конце концов Митя все же добился своего и поступил. Однако, вместо занятий, студентов, как тогда было принято, отправили сначала на несколько месяцев на работу в колхоз. Оттуда он каждый день присылал мужу письма с вопросами, что ему разрешено делать, а что нет.

Распространяя еврейство

Митю и еще несколько человек нередко посылали в город в командировку, чтобы купить всевозможные канцелярские принадлежности для правления колхоза. Друзья Мити привозили с собой в город масло и другие продукты, чтобы заработать на их продаже. Он же разузнал, где в колхозе и его окрестностях живут евреи, и постарался выяснить, кому из них и что именно необходимо с точки зрения религиозных нужд. На обратном пути его портфель был полон *мезуз*, *талесов*, молитвенников, еврейских алфавитов и тому подобного. Митя тайно провозил все это в колхоз и раздавал евреям — согласно инструкциям раввина. Внешне он производил впечатление «своего на сто процентов парня», и все к нему прекрасно относились, даже неевреи.

Каждый день Митя молился, возлагая *тфилин*, но об этом, понятно, не должна была знать ни одна живая душа. Он нашел выход: рано утром, когда большинство людей еще спят, уходил в поле. Там росла высокая рожь, и низкорослый Митя без труда прятался в ней и молился, прикрывая на всякий случай головной *тфилин* кепкой...

Наступил праздник Ханука — время, когда надо произносить благословение, зажигая ханукальные свечи. Поскольку колхозное руководство было довольно работой Мити, парня к тому времени «повысили»: назначили ответственным за «красный уголок», откуда он должен был нести «свет просвещения» деревенским жителям (муж дал ему указания, как следует себя вести, так что Митя мог спокойно работать, не делая ничего, противоречащего еврейской традиции). Там же, в «красном уголке», его и поселили.

И надо же было такому случиться, чтобы именно в дни Хануки из города прислали некоего еврея с проверкой организации работы в

колхозе. В двенадцать ночи проверяющий заглянул в «красный уголок» и обнаружил там горящие ханукальные свечи (будучи евреем, он, конечно, сразу понял, что к чему, несмотря на то, что Митя, за неимением ханукии, просто залил растительное масло в углубления, сделанные в половинках картофеля). Естественно, Митю, как это было принято, «пропесочили» на комсомольском собрании, а несколько дней спустя отстранили от работы в «красном уголке»... Но это не остановило молодого человека, он и дальше учился и работал, продолжая соблюдать все требования еврейского закона — вплоть до самых «незначительных», на первый взгляд. В Дни трепета он обычно молился у нас дома, стараясь, чтобы его не видели соседи. Утром Митя уходил в университет — отметить в журнале учета посещаемости, а потом возвращался к нам.

Похороны в полном соответствии с Галахой

Когда Митя был на третьем курсе университета, в один из летних дней²⁵⁷ он пошел на Днепр купаться²⁵⁸ и — да убережет нас от подобного Всевышний! — не вернулся. Это было огромное несчастье, тем более что он был единственным сыном своих родителей...

Мордехай Гурарье был известен среди религиозных евреев Екатеринослава, и для них случившееся стало тяжелым ударом. В сердцах его соучеников смерть Мити также оставила глубокий след, а университетское начальство стало посылать к его близким одну делегацию за другой — с целью уговорить их на похороны за счет государства, которое, как все они утверждали, высоко ценило Митю.

Митина сестра Сара, тоже очень достойная и порядочная женщина, в то время являлась секретарем комсомольской организации завода имени Петровского²⁵⁹ (это была достаточно высокая ступень карьеры, не каждому доступная). Коммунисты, приходившие в дом родителей Мити в составе университетских делегаций, обращались именно к ней по поводу организации похорон брата. Она отвечала, что ее родители — религиозные люди, и ей не пристало вмешиваться в подобные вопросы... В конце концов она прибежала к нам домой и со слезами на глазах воскликнула: «Рабби, я знаю, что желания Мити всегда совпадали с вашими желаниями, поэтому мы сделаем все так, как вы скажете!»

---

²⁵⁷ Это случилось в пятницу 20 сивана 5695 года (21 июня 1935). Восемь месяцев спустя у М. Гурарье родился сын, названный именем отца: Мордехай бен Мордехай.

²⁵⁸ Возможно, он собирался погрузиться в *микву* в честь святой Субботы.

²⁵⁹ См. сноску 235 в 25-м выпуске «Воспоминаний».

Само собой, похороны прошли в полном соответствии с Ѓалахой, как подобает религиозному еврею. Пришло множество евреев — молодых и пожилых, улица полна была людей. Гроб с телом Мордехая Гуарье внесли в синагогу, в которой молились его родители, и там устроили прощание с покойным. Я использую именно этот термин, так как на траурную церемонию пришли не только евреи — было много студентов университета и даже несколько преподавателей, а также официальная делегация. Впрочем, они стояли в стороне и особого участия не принимали...

Ѓеспед²⁶⁰ от раввина

Габаи поставили на улице рядом со зданием синагоги стол и попросили раввина произнести речь. И мой муж говорил в течение часа с лишним! Он рассказал о принципах, которыми руководствовался покойный в жизни, о том, как он вел себя во время занятий и находясь дома. Все силы его души, отметил раввин, были обращены к другим евреям, в первую очередь — к молодежи. Своей жизнью он постоянно доказывал, что человек может жить согласно Торе и заповедям, и это не будет мешать его активному участию в делах мира.

Речь раввина оказала огромное влияние на слушателей. Многие считали, что именно она привела к тому, что его впоследствии «взяли». Однако похороны Мордехая Гуарье, насколько я помню, состоялись в 1935 году, а арестовали мужа только в 1939-м. Тем не менее, речь его все же имела определенные последствия. Так, когда в следующем году сестра покойного захотела вступить в советскую «святая святых», в партию, ей сказали: сейчас не получится! Ее обращение к Шнеерсону за советом по поводу похорон брата доказывало, что пока еще она не заслуживает такой «высокой чести». Нужно какое-то время выждать и лишь потом можно будет попробовать снова...

Как они обо всем узнали, непонятно. «Птицы небесные»²⁶¹ напели?.. Сама Сара Гуарье, определенно, никому ничего не говорила, из нашего дома информация тоже не распространялась. Просто чудо, что посторонние люди как-то все узнавали, — другого слова не подберешь!

...О похоронах и о произнесенном раввином *ѓеспед* еще долго говорили в самых разных кругах Екатеринослава. Вообще, у слов моего мужа всегда была долгая память: будучи в Москве и позже в

---

²⁶⁰ Поминальная речь в честь умершего, которая, как правило, произносится во время погребения или в годовщину смерти.

²⁶¹ См. Коѓелет, 10:20: «Ибо птица небесная донесет твою речь...»

Париже, я слышала от многих людей, что они до сих пор не могут забыть его рассказы о Ребе, главах Хабада и о других праведниках. Кто-то вспомнил рассказ про Алексея, слугу рабби Исроэля Бааль-Шем-Това. Он как-то увидел, как *шойхет* точит *халеф*²⁶²: плюет на точильный камень и трет ножом по влажному камню. Алексей сказал: «Исройлик, бывало, не так делал. Он плакал и на слезах нож натирал...» Когда мой муж, рассказывая *майсу*, произносил эти слова, его лицо становилось красным, а из глаз ручьями лились слезы. Не каждый способен так сильно прочувствовать рассказ, чтобы буквально очутиться в том мире, о котором повествует...

---

²⁶² Нож для *ихиты* — ритуального забоя скота.